

Новая Польша 10/2009

0: ПОГРЕБЕНИЕ КАПИТАНА МАЙЗНЕРА

Мы гроб убогий из больницы взяли,
Чтоб в нищенской зарыть сейчас же яме;
Ни вздоха сожаленья, ни печали,
Ни капли слёз над бедными костями, —
Вчера — был полон юности и силы,
А завтра — не отыщешь и могилы!
Хотя бы хор на тризне офицерской
Иль в изголовье — карабин солдата,
Тот карабин, чей выстрел бельведерский
Ещё не смолк в ушах у супостата, —
Иль пуля в сердце, что не знало страха, —
Нет, лишь в больнице — койка да рубаха!
Он думал ли — под синей ночи сенью,
Когда лежал в гробу у Кармелитов,
И гроб разверзла весть о воскресенье,
И Польша встала из могил открытых, —
Он думал ли, прижав винтовку к груди,
Что смерть его такой убогой будет?..
Тут сторож к нам приблизился больничный
И ведьмы те, что охраняют мёртвых, —
В «дом милосердия» дверь рукой привычной
Открыв, сказали: «Здесь, средь тел простёртых,
Ищите брата, что вчера по свету
Шатался с вами — только тот ли это?»
Из-под повязки, что в крови намокла
От ревностной работы живодёров,
Его глаза светлели, точно стёкла,
И словно избегали наших взоров, —

И гроб закрыть мы ведьмам приказали,
Сказав, что брата тотчас же узнали...
Сражённый этой нищетой убогой,
Один из нас спросил: «А где ж могила?» —
«В черте погоста, милосердьем Бога, —
Больничная карга нам пробасила, —
По спискам ставим мы в земной утробе,
В огромной яме, прямо гроб на гробе».
Тут юноша с горячим состраданием
Дал золотой — яге из богадельни:
«Пусть „miserere” прозвучит рыданием,
Крест и ограду сделайте отдельно...»
Он смолк, а мы, склонившись онемело,
На блюдо слёзы сыпали — и мелочь...
Так пусть же он и Господу ответит
Так, как гласит дощечка у ограды:
Он капитаном был на этом свете
Девятого полка, вёл в бой отряды,
И, всё отдав отчизне — жизнь и силу, —
Как милостыню, получил — могилу!
Но Ты, незримый в средоточье света,
Следящий гибель ратников отчизны, —
Тебя мы молим: ради жертвы этой
Зажги хоть солнца блеск в день нашей тризны!
Пусть день взойдёт над нашим скорбным краем!
Пусть видят нас, когда мы умираем

(1845)

К 200-летию Юлиуша Словацкого

1: АНГЕЛЛИ /ГЛАВА IV/

И проходили Шаман с Ангелли по пустым дорогам Сибири, где стояли тюрьмы.
И видели они лица узников, сквозь решётку смотревших в печальное бледное небо.

И возле одной из тех тюрем встретили они людей, несущих гробы, и остановил их Шаман, велел отворить гробы.

И вот, когда сняли крышки гробов, вздрогнул Ангелли, увидев, что мёртвые были ещё в цепях, и сказал: «Вот, Шаман, они боятся, как бы не воскресли эти замученные.

Разбуди же кого-нибудь из них, ибо ты владеешь силой чуда; разбуди этого старца с седой бородой и белыми волосами: мне кажется, я знал его живым».

А Шаман, сурово глянув, рек: «И что же? Вот, я воскрешу его, а ты опять его убьешь. Поистине, дважды я его воскрешу, и дважды примет он смерть от тебя.

Но пусть будет, как ты хочешь, дабы понял ты: смерть хранит нас от печалей, что уже собрались было в путь, но застали нас мёртвыми».

Так говоря, взглянул Шаман на старца во гробе и рек: «Восстань!» И тело в цепях поднялось и село, глядя на людей как бы сквозь сон.

И тогда, узнав его, сказал Ангелли: «Привет тебе, человек, некогда могущественный и один из мудрейших в совете.

Что привело тебя в тюрьме к тому, что стал ты пресмыкаться перед властью и запятнал себя признанием вины, о коем мы слышали?

Зачем отрекся ты от души своей и прошлого своего? Или страданиями отняты у тебя разум и память? Что ты наделал!

Ты причинил нам вред; ибо теперь чужие люди говорят нам: вот, предводители ваши отрекаются и отворачиваются душой от народа, только малые упорствуют в постоянстве.

Значит, упорство есть постоянство малых, тогда как люди, первые в народе, признают свою ошибку, даже не ожидая прощенья».

Когда Ангелли говорил это, случилось по слову Шамана: воскрешенный тот, застав, умер вновь.

И тогда сказал Шаман: «Ты убил его, Ангелли, повторив людские наветы и клевету, о которых он перед смертью не ведал.

Но я воскрешу его снова, а ты остерегайся, как бы и во второй раз не предать его смерти».

Сказав это, он разбудил умершего, и поднялся тот человек во гробе, проливая слезы из открытых век.

И сказал ему Ангелли: «Прости, ибо я не знал, что повторяю наветы и клевету.

Вот, я видел тебя в совете народа с братом твоим и всегда видел рядом головы ваши, белизною подобные двум голубям, что вместе слетают на просо.

Ибо поистине, словно два голубя, слетали вы на урну, полную проектов, и вылущивали зерна законов; а на плевелы слетались мелкие воробьи, чирикая о вещах менее важных.

Прости, что сравнил вас с птицами Божьими и ничтожными предметами; но так повелевает белизна и простота ваша.

О, несчастные! один из вас ищет упокоения на сибирском погосте, а другой лежит под розами и кипарисами над Сеной. Бедные голуби, разлученные и умершие!»

Услышав эти слова, воскрешенный воскликнул: «Мой брат!» И повалился во гроб, и умер.

А Шаман рек Ангелли: «Зачем ты сказал ему о смерти брата? Еще мгновение, и он узнал бы от Бога и встретился с братом своим во царствии небесном.

Свершилось! Пусть закроют гробы и несут их на кладбище. А ты не проси меня больше, чтоб я воскресил тех, кто спит и вкушает покой».

2: РЕЧЬ ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО

Когда стоишь перед гробом, приходится говорить о смерти, всемогущей владычице всего живого. Всё, что живет, умирает, а всё, что умирает, прежде было живо. Законы смерти жестоки. Они словно стремятся подтвердить истину: то, что из праха создано, вновь обратится в прах. Когда мы бросаем камень в гладь спокойной воды, возникают круги, которые постепенно расходятся и замирают. Так живут люди, когда входят в зияющие врата смерти: круги постепенно замирают и исчезают, оставляя после себя пустоту и забвение. Законы смерти и законы жизни взаимосвязаны, жестоки и безжалостны. Жило множество людей, и все умерли. Поколения за поколениями, живущие обыденной жизнью — обычной или необычной, — уходят в вечность, оставляя по себе лишь смутную память. Память, где нет ни имен, ни фамилий. И все-таки правда человеческой жизни дает и другие примеры. Есть люди и труды человеческие столь могучие, что они побеждают смерть, продолжают жить среди нас и общаться с нами. Перед нами гроб с останками человека, которые свидетельствуют об истине: ты прах и в прах обратишься. А Словацкий среди нас — как живая правда жизни. Всё шире круг тех, кто знает его. Мы знаем о нем столько, сколько ни о ком из своих знакомых. Даже то, чего и о братьях не знаем. Поэтому он — наш живой знакомец. Мы знаем подробности его жизни, истории о нем, да что там — как пишет сам поэт, и письмо к эконому, и вечный союз с Хандей или Марылькой известны нам и знакомы